ЗАДАЛЬШЕ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Кто же подстраивает все эти истории, совпадения, неожиданности, никогда не только не планируемые, но даже в мыслях не бывавшие! Его величество случай? Предначертанность загадочной судьбы? Диалектическая основанная закономерность? Не знаю. Не берусь судить. Довелось видеть до причин трудно и просто. Проще сказать, встречи с этим человеком состоялась спустя много лет после бегло-бурного знакомства на юбилейном ужине. Тогда, как мне казалось, оно прошло-пролетело мимо, чуть задев краешек памяти.

Первый раз я услышал его от Юрия Александровича Завадского. Было это, как говорят авторы, на «посиделках» после пятисотого спектакля по пьесе Анатолия Софронова «Миллион за улыбку». На дворе стояла весна. А она ощутимее делает надежды, наполняет сердце светлым ожиданием перемены к лучшему. Пятое мая. Настроение у всех было праздничное, приподнятое. Разговор зашел о том неуловимом моменте в чуде, когда произведение вдруг перешагнет из разряда новых, волнующих сегодня в сферу постоянного спутника человека, становится всегда нужным, для всех интересным. И тут Юрий Александрович привел в пример некогда прошедшую лекцию Антона Павловича Чехова. Его драматургия, говорил Завадский, в ту пору еще проникнута духом общечеловечности. Его пьесы ставятся на всех континентах. И хотя написаны они на чисто русском материале, близки сердцу и разуму испанца и англичанина, француза и японца. Вот Вокстиму его творчество интернационально. Оно как бы в концентрированной форме выразило и характер русского народа. Завадский недавно поставил в Белграде «Иванова». Загадочную роль, которую сыграл сновидец Чехов, вспоминал Юрий Александрович, и так таинственно, так глубоко проник в образ своего героя, увидев в нем раненое неведомым ножом чеченца, что случайному актеру вдруг кое-чему научиться у своего заграничного коллеги.

А после. В разговоре имя Стево Жигона мельнуло только раз. Прошло с тех пор восемь лет. Много воды утекло с тех пор в Дунае. Забылись и эти размышления Юрия Александровича, и не запутанный им югославский Иванов. Но то, что тронуло сердце, оставило в памяти. Видимо, рано или поздно оно всплывает, если возникнет причина, аналогия. Случай, хотя и не по стороной, пусть незначительной, соприкасающийся с данным инструшем.

...После очередного бутофорского заседания XXI Генеральной конференции ЮНЕСКО, которая проходила в Белграде «Свена-Центре» — новом с международном комплексе с первоклассными гостиницей и многочисленными залами, похожем на сказанную пирамиду Хеопса, посмотрели на гигантском гранитном цоколе, в решил побродить по городу. Ни в Белграде, ни в очаровательная пора, мягкая, солнечная, одетая в багряные и золото. Не спеша, в полном незаметно дошел до парка возле древней крепости Калемегдан. Впереди виделись зеленые, с ярко-красными, персидский ковер, расстеленный под гулбчатый купоном. Направо в ряже в этот предзакатный час было мало. На скамейке сидел седовласый мужчина, в руках которого, как в блистающем колесе, мелькали вязальные спицы. Возле стояла детская коляска. «Пример полного и счастливого разоружения», — подумалось мне. Пусть поодаль возвышаются круглые туфли, сверкая броскими театральными афишами, которые сообщали, что в Белграде проходит международный театральный фестиваль — БИТЕФ. Видные коллективы Европы показывали на сценах Белграда свои лучшие спектакли. Вот тут и вмешалась в воспоминания Юрия Александровича, и в мои, и в прошлый им югославский Иванов. Но то, что тронуло сердце, оставило в памяти, видимо, рано или поздно оно всплывает, если возникнет причина, аналогия. Случай, хотя и не по стороной, пусть незначительной, соприкасающийся с данным инструшем.

...После очередного бутофорского заседания XXI Генеральной конференции ЮНЕСКО, которая проходила в Белграде «Свена-Центре» — новом с международном комплексе с первоклассными гостиницей и многочисленными залами, похожем на сказанную пирамиду Хеопса, посмотрели на гигантском гранитном цоколе, я решил побродить по городу. Ни в Белграде, ни в очаровательная пора, мягкая, солнечная, одетая в багряные и золото. Не спеша, я полным незаметно дошел до парка возле древней крепости Калемегдан. Впереди виделись зеленые, с ярко-красными, персидский ковер, расстеленный под гулбчатый купоном. Направо в ряже в этот предзакатный час было мало. На скамейке сидел седовласый мужчина, в руках которого, как в блистающем колесе, мелькали вязальные спицы. Возле стояла детская коляска. «Пример полного и счастливого разоружения», — подумалось мне. Пусть поодаль возвышаются круглые туфли, сверкая броскими театральными афишами, которые сообщали, что в Белграде проходит международный театральный фестиваль — БИТЕФ. Видные коллективы Европы показывали на сценах Белграда свои лучшие спектакли. Вот тут и вмешалась в воспоминания Юрия Александровича, и в мои, и в прошлый им югославский Иванов. Но то, что тронуло сердце, оставило в памяти. Видимо, рано или поздно оно всплывает, если возникнет причина, аналогия. Случай, хотя и не по стороной, пусть незначительной, соприкасающийся с данным инструшем.

...После очередного бутофорского заседания XXI Генеральной конференции ЮНЕСКО, которая проходила в Белграде «Свена-Центре» — новом с международном комплексе с первоклассными гостиницей и многочисленными залами, похожем на сказанную пирамиду Хеопса, посмотрели на гигантском гранитном цоколе, я решил побродить по городу. Ни в Белграде, ни в очаровательная пора, мягкая, солнечная, одетая в багряные и золото. Не спеша, я полным незаметно дошел до парка возле древней крепости Калемегдан. Впереди виделись зеленые, с ярко-красными, персидский ковер, расстеленный под гулбчатый купоном. Направо в ряже в этот предзакатный час было мало. На скамейке сидел седовласый мужчина, в руках которого, как в блистающем колесе, мелькали вязальные спицы. Возле стояла детская коляска. «Пример полного и счастливого разоружения», — подумалось мне. Пусть поодаль возвышаются круглые туфли, сверкая броскими театральными афишами, которые сообщали, что в Белграде проходит международный театральный фестиваль — БИТЕФ. Видные коллективы Европы показывали на сценах Белграда свои лучшие спектакли. Вот тут и вмешалась в воспоминания Юрия Александровича, и в мои, и в прошлый им югославский Иванов. Но то, что тронуло сердце, оставило в памяти. Видимо, рано или поздно оно всплывает, если возникнет причина, аналогия. Случай, хотя и не по стороной, пусть незначительной, соприкасающийся с данным инструшем.

...После очередного бутофорского заседания XXI Генеральной конференции ЮНЕСКО, которая проходила в Белграде «Свена-Центре» — новом с международном комплексе с первоклассными гостиницей и многочисленными залами, похожем на сказанную пирамиду Хеопса, посмотрели на гигантском гранитном цоколе, я решил побродить по городу. Ни в Белграде, ни в очаровательная пора, мягкая, солнечная, одетая в багряные и золото. Не спеша, я полным незаметно дошел до парка возле древней крепости Калемегдан. Впереди виделись зеленые, с ярко-красными, персидский ковер, расстеленный под гулбчатый купоном. Направо в ряже в этот предзакатный час было мало. На скамейке сидел седовласый мужчина, в руках которого, как в блистающем колесе, мелькали вязальные спицы. Возле стояла детская коляска. «Пример полного и счастливого разоружения», — подумалось мне. Пусть поодаль возвышаются круглые туфли, сверкая броскими театральными афишами, которые сообщали, что в Белграде проходит международный театральный фестиваль — БИТЕФ. Видные коллективы Европы показывали на сценах Белграда свои лучшие спектакли. Вот тут и вмешалась в воспоминания Юрия Александровича, и в мои, и в прошлый им югославский Иванов. Но то, что тронуло сердце, оставило в памяти. Видимо, рано или поздно оно всплывает, если возникнет причина, аналогия. Случай, хотя и не по стороной, пусть незначительной, соприкасающийся с данным инструшем.

...Поэтому, видимо, и не случайно, что по поводу сорвалась мое поездка в Югославию, — пишет Юрий Александрович, — в ее самом крупным пучерком,— так мечтал, что будет несколько дней спустя. Я ехал в Белград с мыслями, планами, надеждами... Что посмотрю интересные спектакли, что встречусь с участниками «Иванова» и друзьями, возникшими в ходе работы над пьесой в вашей чудесной столице.

Другое письмо. Коротенькое, всего на три фразы. Процитирую и того меньше — несколько слов:

«Я ехал в Белград с мечтой о встрече с вами, вместе бы, незначительным, мимолетным — во мне всегда в хорошем смысле — ощущение чего-то значительного, существенного, важного» (подчеркнуто автором).

Слов немного, но как богато стенограмма! Ведь сказал их Юрий Завадский в ноябре 1974 г. в письме-ответе на дополнительный штрих к тому портрету Стево Жигона, который уже в ходе работы начал бегло рисовать в памяти. Ему встречу на артистическом Олимпе Стево Жигон.

С тех пор минуло десять лет. Среди них нет Юрия Александровича. Но его искусство Завадского, слава театра Завадского перешагнула границу мира, и продолжают в его учениках, чьмо служит яким примером жизни и творчества. Нет Стево Жигона. Но его в памяти и так же красиво впереди, как расстилающееся перед ним сверкающий Калемегдан задунайские дали.

За далью же следует даль.

Борис ИВАНОВ.

● Ю. А. Завадский и Стево Жигон в гримерной перед спектаклем «Иванов» (снимок публикуется впервые).

Кто же подстраивает все эти истории, совпадения, неожиданности, никогда не только не планируемые, но даже в мыслях не бывавшие! Его величество случай? Предначертанность загадочной судьбы? Диалектическая основанная закономерность? Не знаю. Не берусь судить. Довелось видеть до причин трудно и просто. Проще сказать, встречи с этим человеком состоялась спустя много лет после бегло-бурного знакомства на юбилейном ужине. Тогда, как мне казалось, оно прошло-пролетело мимо, чуть задев краешек памяти.

Первый раз я услышал его от Юрия Александровича Завадского. Было это, как говорят авторы, на «посиделках» после пятисотого спектакля по пьесе Анатолия Софронова «Миллион за улыбку». На дворе стояла весна. А она ощутимее делает надежды, наполняет сердце светлым ожиданием перемены к лучшему. Пятое мая. Настроение у всех было праздничное, приподнятое. Разговор зашел о том неуловимом моменте в чуде, когда произведение вдруг перешагнет из разряда новых, волнующих сегодня в сферу постоянного спутника человека, становится всегда нужным, для всех интересным. И тут Юрий Александрович привел в пример некогда прошедшую лекцию Антона Павловича Чехова. Его драматургия, говорил Завадский, в ту пору еще проникнута духом общечеловечности. Его пьесы ставятся на всех континентах. И хотя написаны они на чисто русском материале, близки сердцу и разуму испанца и англичанина, француза, японца. Вот Вокстиму его творчество интернационально. Оно как бы

в концентрированной форме выразило и характер русского народа. Завадский недавно поставил в Белграде «Иванова». Загадочную роль, которую сыграл сновидец Стево Жигон, вспоминал Юрий Александрович, и так таинственно, так глубоко проник в образ своего героя, увидев в нем раненое неведомым ножом чеченца, что случайному актеру вдруг кое-чему научиться у своего заграничного коллеги.

А после. В разговоре имя Стево Жигона мельнуло только раз. Прошло с тех пор восемь лет. Много воды утекло с тех пор в Дунае. Забылись и эти размышления Юрия Александровича, и запутанный им югославский Иванов. Но то, что тронуло сердце, оставило в памяти. Видимо, рано или поздно оно всплывает, если возникнет причина, аналогия. Случай, хотя и не по стороной, пусть незначительной, соприкасающийся с данным инструшем.

...После очередного бутофорского заседания XXI Генеральной конференции ЮНЕСКО, которая проходила в Белграде «Свена-Центре» — новом с международном комплексе с первоклассными гостиницей и многочисленными залами, похожем на сказанную пирамиду Хеопса, посмотрели на гигантском гранитном цоколе, я решил побродить по городу. Ни в Белграде, ни в очаровательная пора, мягкая, солнечная, одетая в багряные и золото. Не спеша, я полным незаметно дошел до парка возле древней крепости Калемегдан. Впереди виделись зеленые, с ярко-красными, персидский ковер, расстеленный под гулбчатый купоном. Направо в ряже в этот предзакатный час было мало. На скамейке сидел седовласый мужчина, в руках которого, как в блистающем колесе, мелькали вязальные спицы. Возле стояла детская коляска. «Пример полного и счастливого разоружения», — подумалось мне. Пусть поодаль возвышаются круглые туфли, сверкая броскими театральными афишами, которые сообщали, что в Белграде проходит международный театральный фестиваль — БИТЕФ. Видные коллективы Европы показывали на сценах Белграда свои лучшие спектакли. Вот тут и вмешалась в воспоминания Юрия Александровича, и в мои, и в прошлый им югославский Иванов. Но то, что тронуло сердце, оставило в памяти. Видимо, рано или поздно оно всплывает, если возникнет причина, аналогия. Случай, хотя и не по стороной, пусть незначительной, соприкасающийся с данным инструшем.

...Поэтому, видимо, и не случайно, что по поводу сорвалась мое поездка в Югославию, — пишет Юрий Александрович, — в ее самом крупным пучерком,— так мечтал, что будет несколько дней спустя. Я ехал в Белград с мыслями, планами, надеждами... Что посмотрю интересные спектакли, что встречусь с участниками «Иванова» и друзьями, возникшими в ходе работы над пьесой в вашей чудесной столице.

Другое письмо. Коротенькое, всего на три фразы. Процитирую и того меньше — несколько слов:

«Я ехал в Белград с мечтой о встрече с вами, вместе бы, незначительным, мимолетным — во мне всегда в хорошем смысле — ощущение чего-то значительного, существенного, важного» (подчеркнуто автором).

Слов немного, но как богато стенограмма! Ведь сказал их Юрий Завадский в ноябре 1974 г. в письме-ответе на дополнительный штрих к тому портрету Стево Жигона, который уже в ходе работы начал бегло рисовать в памяти. Ему встречу на артистическом Олимпе Стево Жигон.

С тех пор минуло десять лет. Среди нет Юрия Александровича. Но его искусство Завадского, слава театра Завадского перешагнула границу мира, и продолжают в его учениках, чьмо служит яким примером жизни и творчества. Нет Стево Жигона. Но его в памяти и так же красиво впереди, как расстилающееся перед ним сверкающий Калемегдан задунайские дали.

За далью же следует даль.

Борис ИВАНОВ.

● Ю. А. Завадский и Стево Жигон в гримерной перед спектаклем «Иванов» (снимок публикуется впервые).

ранг Франца и такой чувствительность, такой дальнозоркостью! Сердечно и глубоко благодарю. Сартр».

— Заметка Сартра меня обрадовала,— продолжал Стево.— Она же навела на очень важный вывод: спектакль, пьеса, настроение сердца зрителей, раз уж такого искушенного человека привел в восторг, помогают ему, вероятно ощутить, ощенить действительность. Выходит, цель достигнута! А то ведь в Югославии уводят на Запад простых людей от современных проблем. Развлекают, пользуясь понятным язык. Тут никуда от него не денешься... Уводят. Особенно словацкие... Подсовывают картинками прямую подлинной рыло неофашизма, интервенциям, грязным делам фирмы, визжащими оркестрами. Модными делают все, что полезнее людям, для того людей лает, чтобы человек его вообще не слышал. Есть такой прием. Сейчас проблема. Прокатчики какой уж год готовят его с экрана на экран. А зачем?

Стево Жигон в ответ прочитал мурлыкал песенку: «Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо»... И игро улыбнулся.

— Чтоб проверить свои выводы, я провел такой эксперимент. В Югославии есть такая охота вооружки Зилова транзистором. Когда он говорит по-русски, то ставит перед выразиться громы и молнии. Автор форсирует голос, кто его услышал, и если в зал посыпаются реплики малозначащие, транзистор тихо перелает приятную мелодию. Зрители все поняли... Поняли, нужно клонит постановщик. Это пример, когда экспериментом пришелся по душе. Поняли, что формы в нашем деле всякие нужны. От старого каждый начинает до сегодняшнего дня. Влияние Станиславского

ral Франца и такой чувствительность, такой дальнозоркостью! Сердечно и глубоко благодарю. Сартр».

— Заметка Сартра меня обрадовала,— продолжал Стево.— Она же навела на очень важный вывод: спектакль, пьеса, настроение сердца зрителей, раз уж такого искушенного человека привел в восторг, помогают ему, вероятно ощутить, ощенить действительность. Выходит, цель достигнута! А то ведь в Югославии уводят на Запад простых людей от современных проблем. Развлекают, пользуясь понятным язык. Тут никуда от него не денешься... Уводят. Особенно словацкие... Подсовывают картинками прямую подлинной рыло неофашизма, интервенциям, грязным делам фирмы, визжащими оркестрами. Модными делают все, что полезнее людям, для того людей лает, чтобы человек его вообще не слышал. Есть такой прием. Сейчас проблема. Прокатчики какой уж год готовят его с экрана на экран. А зачем?

Стево Жигон в ответ прочитал мурлыкал песенку: «Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо»... И игро улыбнулся.

— Чтоб проверить свои выводы, я провел такой эксперимент. В Югославии есть такая охота вооружки Зилова транзистором. Когда он говорит по-русски, то ставит перед выразиться громы и молнии. Автор форсирует голос, кто его услышал, и если в зал посыпаются реплики малозначащие, транзистор тихо перелает приятную мелодию. Зрители все поняли... Поняли, нужно клонит постановщик. Это пример, когда экспериментом пришелся по душе. Поняли, что формы в нашем деле всякие нужны. От старого каждый начинает до сегодняшнего дня. Влияние Станиславского

ратурный процесс до сих пор огромно. Что так? Разве за эти годы не появились новые авторитеты? В том числе и иностранные? Есть, конечно, есть! — глаза у Стево сощурились, потемнели. — Нашлись такие, которые, на мой взгляд, тормозят сердца зрителей, раз уж такого искушенного человека привел в восторг, помогают ему, вероятно ощутить, ощенить действительность. Выходит, цель достигнута! А то ведь в Югославии уводят на Запад простых людей от современных проблем. Развлекают, пользуясь понятным язык. Тут никуда от него не денешься... Уводят. Особенно словацкие... Подсовывают картинками прямую подлинной рыло неофашизма, интервенциям, грязным делам фирмы, визжащими оркестрами. Модными делают все, что полезнее людям, для того людей лает, чтобы человек его вообще не слышал. Есть такой прием. Сейчас проблема. Прокатчики какой уж год готовят его с экрана на экран. А зачем?

Стево Жигон в ответ прочитал мурлыкал песенку: «Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо»... И игро улыбнулся.

— Чтоб проверить свои выводы, я провел такой эксперимент. В Югославии есть такая охота вооружки Зилова транзистором. Когда он говорит по-русски, то ставит перед выразиться громы и молнии. Автор форсирует голос, кто его услышал, и если в зал посыпаются реплики малозначащие, транзистор тихо перелает приятную мелодию. Зрители все поняли... Поняли, нужно клонит постановщик. Это пример, когда экспериментом пришелся по душе. Поняли, что формы в нашем деле всякие нужны. От старого каждый начинает до сегодняшнего дня. Влияние Станиславского

ражения, — пояснял Завадский, — его спорность, его спорность являлись главным достоинством постановки. Работая над образом Ивана, я искал в нем, в условиях для своего режиссерского будущего очень ценное правило: хорошо, если спектакль каждый раз единственное. Если найдено — будет интересно. Мне еще раньше урок преподал Юрий Александрович: режиссер следует давать актеру простор для проявления, пусть считая себя при этом не ущемленным, а, наоборот, обогащенным. В одном характере бывает сложный путь ученичества. После освобождения Югославии он вернулся в родную Сербию, поступил в школу актерского мастерства. Долго в ней не задержался. Его как ветерана Второго того сражения направили в Ленинградский государственный театральный институт. Здесь он начал заниматься режиссурой у Леонида Вивьена, а курс актерского искусства продолжал под руководством Бориса Ростовых в общем, ставили его на ноги два замечательных советских мастера, художника с большой буквы. Свое образование Стево Жигон завершил в Белградской академии, в первые самостоятельные актерские шаги сделал в Югославском драматическом театре, основанном в 1947 году.

— Люблю дорогу. Но чтобы она не плутала по оврагам и кочкам, важно правильно ее выбрать еще на старте,— говорит Стево Жигон. — Сам я минули момента выбора десятилетия, могу заключить: я не ошибся.

К такому выводу он пришел нелегко. Впереди еще предстояло сделать получность зрителей, признание и уважение товарищей по профессии. Поэтому, видимо, и не случайно главной цели Стево играло особую роль. Если каждый

ражения, — пояснял Завадский, — его спорность, его спорность являлись главным достоинством постановки. Работая над образом Ивана, я искал в нем, в условиях для своего режиссерского будущего очень ценное правило: хорошо, если спектакль каждый раз единственное. Если найдено — будет интересно. Мне еще раньше урок преподал Юрий Александрович: режиссер следует давать актеру простор для проявления, пусть считая себя при этом не ущемленным, а, наоборот, обогащенным. В одном характере бывает сложный путь ученичества. После освобождения Югославии он вернулся в родную Сербию, поступил в школу актерского мастерства. Долго в ней не задержался. Его как ветерана Второго того сражения направили в Ленинградский государственный театральный институт. Здесь он начал заниматься режиссурой у Леонида Вивьена, а курс актерского искусства продолжал под руководством Бориса Ростовых в общем, ставили его на ноги два замечательных советских мастера, художника с большой буквы. Свое образование Стево Жигон завершил в Белградской академии, в первые самостоятельные актерские шаги сделал в Югославском драматическом театре, основанном в 1947 году.

— Люблю дорогу. Но чтобы она не плутала по оврагам и кочкам, важно правильно ее выбрать еще на старте,— говорит Стево Жигон. — Сам я минули момента выбора десятилетия, могу заключить: я не ошибся.

К такому выводу он пришел нелегко. Впереди еще предстояло сделать получность зрителей, признание и уважение товарищей по профессии. Поэтому, видимо, и не случайно главной цели Стево играло особую роль. Если каждый

человек часто подсознательно стремится быть режиссером собственной жизни, то для такого актера, прожившего на сцене много жизней, стремление выразить себя в режиссуре тем более естественно и добавлю, традиционно.

Стево Жигон давал мечта стать режиссером чуть ли не с первой роли на подмостках театра. А здесь авторитет у коллег—первоклассных актеров. Вот почему именно пятому спектаклю так высоко.

Но прежде чем ему в режиссуре, выбор репертуара не доставлял ему мучительных разрывов. Он был всем еще на студенческой скамье: играл лучших произведений югославских драматургов, в ней видное место заняла русская и советская классика. Почему? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Учит, воспитывает не только прекрасное слово, талант великих педагогов. В этом процессе активно участвует и окружающая среда — улица, толпа, архитектурные шедевры — сама история города, где познавал тайны ремесла. Они тоже формируют вкус, мировоззрение, не менее заинтересованы. А за плечами у Стево был Ленинград, где чуть ли не каждый дом или квартира — цитата из Пушкина и Блока, Гоголя и Достоевского. С упоением он вспоминает спектакль на сцене в таких спектаклях, как «Таланты и поклонники», «Братья Карамазовы», «Егор Булычов и другие», «Бронепоезд 14—69», «Любовь Яровая», «Эталон» и стал чеховский «Иванов».

Я знал множество интересных спектаклей по этим различным сценах. И для меня своеобразие спектакля, предложенного Завадским, его отличительность, его спорность являлись главным достоинством постановки. Работая над образом Ивана, я искал в нем, в условиях для своего режиссерского будущего очень ценное правило: хорошо, если спектакль каждый раз единственное. Если найдено — будет интересно. Мне еще раньше урок преподал Юрий Александрович: режиссер следует давать актеру простор для проявления, пусть считая себя при этом не ущемленным, а, наоборот, обогащенным. В одном характере бывает сложный путь ученичества. После освобождения Югославии он вернулся в родную Сербию, поступил в школу актерского мастерства. Долго в ней не задержался. Его как ветерана Второго того сражения направили в Ленинградский государственный театральный институт. Здесь он начал заниматься режиссурой у Леонида Вивьена, а курс актерского искусства продолжал под руководством Бориса Ростовых в общем, ставили его на ноги два замечательных советских мастера, художника с большой буквы. Свое образование Стево Жигон завершил в Белградской академии, в первые самостоятельные актерские шаги сделал в Югославском драматическом театре, основанном в 1947 году.

— Люблю дорогу. Но чтобы она не плутала по оврагам и кочкам, важно правильно ее выбрать еще на старте,— говорит Стево Жигон. — Сам я минули момента выбора десятилетия, могу заключить: я не ошибся.

К такому выводу он пришел нелегко. Впереди еще предстояло сделать получность зрителей, признание и уважение товарищей по профессии. Поэтому, видимо, и не случайно главной цели Стево играло особую роль. Если каждый

Работу на новом поприще — режиссерском, не покидая, впрочем, начинания по спектаклям, стиль же полезное режиссеру, как полезно дирижеру быть и хорошим музыкантом-исполнителем, — Стево Жигон начал опять же с русской классики. Что это? Случайность шовей? Или истинное признание международной славы Ивана Тургенева? Ответ дал Юрий Завадский: режиссеру следует давать актеру простор для проявления, пусть считая себя при этом не ущемленным, а, наоборот, обогащенным. В одном характере бывает сложный путь ученичества. После освобождения Югославии он вернулся в родную Сербию, поступил в школу актерского мастерства. Долго в ней не задержался. Его как ветерана Второго того сражения направили в Ленинградский государственный театральный институт. Здесь он начал заниматься режиссурой у Леонида Вивьена, а курс актерского искусства продолжал под руководством Бориса Ростовых в общем, ставили его на ноги два замечательных советских мастера, художника с большой буквы. Свое образование Стево Жигон завершил в Белградской академии, в первые самостоятельные актерские шаги сделал в Югославском драматическом театре, основанном в 1947 году.

— Люблю дорогу. Но чтобы она не плутала по оврагам и кочкам, важно правильно ее выбрать еще на старте,— говорит Стево Жигон. — Сам я минули момента выбора десятилетия, могу заключить: я не ошибся.

К такому выводу он пришел нелегко. Впереди еще предстояло сделать получность зрителей, признание и уважение товарищей по профессии. Поэтому, видимо, и не случайно главной цели Стево играло особую роль. Если каждый

Все эти рассуждения Стево Жигона можно обобщить двумя словами: философия творчества. А материализуется оно в виде «Ивана», в виде сценических образах, как у режиссера — в спектаклях. Но не только. Философия эта лежит в основе литературной работы Стево. Он ведь еще и драматург. Его инсценировки сделали достоянием югославской публики произведения опять же русской прозы и поэзии. Заводный пример постановки Стево инсценировал романы Достоевского «Бесы» и «Подросток», произведения Пушкина «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пиковая дама». Причем «Подросток» принес ему приз за лучшую режиссуру в Югославии.

— Спектакль шел до тех пор, пока подросток не постарел,— шутит Стево Жигон.

Философия творчества. Как могло оно расходиться с практикой жизни. Достичь здесь гармонии—великий дар художника. Сказал дар... Не подумал, а правильно ли я выразился! Конечно, достичь гармонии можно всегда, даже очень трудного. Но к такой гармонии всегда будет чуть примешана искренность. Подлинная же гармония естественно как вдох и дается она художнику по-детски просто. Стево Жигон наследовал этот дар от рождения. С годами он не растерял его, что тоже случается, а, наоборот, укрепил, слил в одно нерасделимое русло.

Почувствовать, осязать гармонию слова и дела нельзя вполне, если не довелось видеть его в обстановке домашней обстановке, в общении с людьми другого круга. Не знаю, как кому, но мне, зрителем и того, и другого. Всюду Стево прямо-таки источал ощущение гармонии. Вот, кому ли с ним легко и непринужденно чуть ли не с первых минут знакомства. Отсюда рождается и доверительность в общении. Где-то дано, на расстоянии от родины, Стево познакомился с людьми. Неожиданно он получает телеграмму, что эта пара приехала в Белград и просит о встрече. Неожиданно он получает телеграмму, что эта пара приехала в Белград и просит о встрече. Отсюда рождается и доверительность в общении. Где-то дано, на расстоянии от родины, Стево познакомился с людьми. Неожиданно он получает телеграмму, что эта пара приехала в Белград и просит о встрече. Неожиданно он получает телеграмму, что эта пара приехала в Белград и просит о встрече.

Стево Жигон, который сыграл в стольких спектаклях и не раз, произнесли на русском языке. Лафонтен, Расин, Перро на французском. Стево Жигон говорит на нескольких европейских языках. Вот почему подобраны отдельными театрами режиссерским разработок. Стево Жигон поставил произведения инсценировки знаменитых произведений.

А вот такой вопрос важная в биографии Стево Жигона. В ней собраны письма, записки, открытки, которые получал Стево Жигон в ходе своей работы. Но, к радости,— кризис миновал. Это весть сложно зарея в его чертах глубоко прорезанных столь они были ясны и лучисты.

Понятно, почему все письма Юрия Александровича к Стево Жигону теплы и радушны. Их пронизано было и уважение. Стево любовно хранил комплимента с ними. Это произошло каких-нибудь вечером у него в квартире. Стево живет в маленьком районе старого Белграда — Сенняк. Небольшие особняки, окруженные зелеными палисадниками, расположились здесь на зеленых улицах. Стево живет в округе особый уют и покой. В гостиной, где мы пьем кофе, в вазе на подоконнике стоят розы, цветы. Старинные лампы стоят на низких столиках. В мягком глубоком кресле, в котором сидит Стево, сидит серый кот. Другой, черный, встряхнул мне, мурлыча, у подъезда.

— Теперь мне нужен кот-кошек,— сказал Стево, зажигая очередную лампу. Вспыхнувший огонь озарил его лицо.

На стене — фотографии друзей, художников Милована Станичича и Божа Илича. Полки пестрят корешками книг, среди которых сочинения Пушкина, Чехова, Достоевского, Толстого, Маяковского, Шолохова и литературы: Станиславский — «Об искусстве театра», Мейерхольд — «Письма о театре», Комиссаржевский — «Лекции о драматическом театре», Немирович-Данченко — «Из прошлого». Правда, личное общение случалось не так часто. Наиболее полно оно выражалось в письмах.

— Я ехал в Белград с мечтой о встрече с вами, вместе бы, незначительным, мимолетным — во мне всегда в хорошем смысле — ощущение чего-то значительного, существенного, важного (подчеркнуто автором).

Слов немного, но как богато стенограмма! Ведь сказал их Юрий Завадский в ноябре 1974 г. в письме-ответе на дополнительный штрих к тому портрету Стево Жигона, который уже в ходе работы начал бегло рисовать в памяти. Ему встречу на артистическом Олимпе Стево Жигон.

С тех пор минуло десять лет. Среди нет Юрия Александровича. Но его искусство Завадского, слава театра Завадского перешагнула границу мира, и продолжают в его учениках, чьмо служит яким примером жизни и творчества. Нет Стево Жигона. Но его в памяти и так же красиво впереди, как расстилающееся перед ним сверкающий Калемегдан задунайские дали.

За далью же следует даль.

Борис ИВАНОВ.

● Ю. А. Завадский и Стево Жигон в гримерной перед спектаклем «Иванов» (снимок публикуется впервые).